

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

Россия, Санкт-Петербург.
 Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»,
 отделение прикладной политологии.
 Кандидат политических наук, доцент.

Russia, St. Petersburg.
 National Research University High School Economics, Dept.
 Applied Political Theory, PhD, professor

sergakopov@gmail.com

«ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»: В ПОИСКАХ НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Исследование наднационального и кросс-национального в современной политической культуре предполагает выявление новых характеристик субъектности, то есть носителей специфического наднационального политического сознания, опыта и практик. Поиску и описанию субъектов транснациональной политической культуры в современном мире и посвящена эта статья. В ней последовательно рассматриваются три группы потенциальных представителей этой новой субъектности: транснациональные мигранты (трансмигранты); современные «глобальные кочевники» и «транснациональные интеллектуалы».

Ключевые слова: политическая культура, транснациональность, трансмигранты, глобальные кочевники, транснациональные интеллектуалы

"Transnational Political Culture": Towards the New Subjectivity

The research of elements of supranational and cross-national in modern political culture involves identifying new characteristics of subjectivity, per se those who carry out specific supranational political consciousness, experience and practices. This article is targeted towards the search and description of the new subjects of transnational political culture in the modern world. Therefore it includes analysis of the three groups: transnational migrants ("transmigrants"), contemporary "global nomads" and "transnational intellectuals".

Key words: political culture, transnational, transmigrants, global nomads, transnational intellectuals

Исследование наднационального и кросс-национального в современной политической культуре предполагает выявление новых характеристик субъектности, то есть носителей специфического наднационального политического сознания, опыта и практик. Поиску и описанию данных субъектов наднациональной или кросс-национальной политической культуры в современном мире и посвящена эта статья. В ней последовательно рассматриваются три группы потенциальных представителей этой новой субъектности: транснациональные мигранты (трансмигранты); современные «глобальные кочевники» и «транснациональные интеллектуалы». При этом исследование «над» и «кросс» национального в современной политической культуре производится в данной статье под углом зрения поиска характеристик именно транснациональной политической культуры, под которой понимается система порождения, отбора, воспроизводства и трансляции транснационального политического опыта.

Западные исследователи выделяют несколько подходов к транснационализму¹. Однако в рамках данного исследования «транснациональное» рассматривается как особый тип сознания и политической картины мира. Транснациональный тип политической картины мира раскрывается через такие признаки и элементы как множественная идентичность, культурная креолизация и мультилингвизм. Формирование подобной картины мира может быть связано с наличием у человека нескольких «духовных» родин, с практиками общения к двум и более традициям высшего образования, с укорененностью в нескольких образах жизни. «Транснациональное» можно определить как наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств. Причем, если

¹ Подробнее см. Vertovec, Transnationalism. London, Routledge, 2009. p. 6.

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

под «интернациональным» понимаются взаимодействия, соединяющие людей или институты сквозь границы, но на уровне государств, то под «транснациональным» понимается такое же взаимодействие, но уже между негосударственными акторами. Это дает некоторым авторам основания попытаться отойти от принципа методологического национализма и понимать под транснациональными исследованиями область кросс-границного и полилокального взаимодействия негосударственных акторов, а также считать перспективной единицей в рамках транснациональных исследований именно транснациональные организации *мезо уровня*². Такое разграничение развивает определение «транснационального», данное в теории международных отношений Дж. Наем и Р. Кеохэйном, утверждавшими, что транснациональное отличается от межгосударственного тем, что в первом случае хотя бы один из партнеров взаимодействия не является национальным актором³.

С ростом экономической и культурной глобализации произошло необратимое качественное изменение политической культуры. Речь, прежде всего идет об изменении роли национального государства, а также о значительной секьюритизации в области внутренней и внешней политики этого национального государства. Особенно остро это обнаружилось в связи с введением в ряде стран после 2001 г. антитеррористического законодательства, предусматривающего в целях общественной безопасности некоторые ограничения прав человека: права на тайну переписки, тайну личной жизни и т. д. Например, острым стало обсуждение так называемого Патриотического акта в США (USA PATRIOT Act — Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001). Речь идет о федеральном законе, принятом практически сразу после террористического акта 11 сентября 2001 года и дающим правительству и полиции США широкие дополнительные полномочия по надзору за своими гражданами. Принятый закон, в частности, расширил права полиции по подслушиванию и по электронной слежке. Как подчеркивает С. Херман — президент американского союза гражданских свобод (ACLU) — многими американцами это было расценено как нарушение четвертой поправки к конституции США и, к сожалению, пишет американская исследовательница, современная администрация США в лице Б. Обамы, вопреки его предвыборным обещаниям, в этом плане не сильно ушла от политики Дж. Буша младшего⁴.

К другим основаниям изменения позиций национального государства можно отнести возрастающие миграционные потоки. Так, только за 2005 год почти 700 000 мигрантов получили гражданство в одном из государств стран ЕС и более 600 000 стали гражданами США, почти 100 000 — стали гражданами Австралии и примерно 200 000 — стали канад-

цами⁵. Речь, однако, в рамках целей данной статьи речь пойдет не столько о количестве, сколько о новом качественном облике миграции начала XXI века. В частности, о таком феномене как «трансмигранты». Само понятие «трансмигрант» вошел в научную литературу в 1990-х и 2000-х годах во многом благодаря статьям и книгам Нины Г. Шиллер, работающей в Институте исследования космополитических культур при Университете города Манчестер. Термин «трансмигранты» (то есть «транснациональные мигранты», в отличие от традиционных мигрантов) применялся ею для описания мобильных субъектов, которые одновременно создают и поддерживают социальные отношения, связывающие между собой общества их происхождения с обществами их пребывания и места жительства. В литературе по миграции трансграничная миграция выделяется в качестве подвида транснациональной (например, в случае с границей между Мексикой и США). Такие мигранты одновременно включены в общественные отношения более чем одного государства, что приводит к возникновению феномена «отдаленного национализма» (long-distance nationalism)⁶.

Традиционно исследователи рассматривали мигрантов как людей, покидающих свои места пребывания и подвергающиеся трудному процессу ассимиляции или инкорпорации в принимающие сообщества. Однако сегодня, по мнению английской исследовательницы, трансмигранты активно включаются в процесс транснационализации, охватывающий экономические, культурные, социальные, этнические и национальные границы таким образом, что, находясь в «транснациональном поле» их набор социальных ожиданий, культурных ценностей и моделей взаимодействия с обществом формируется *более чем одной* социальной и политической средой. Трансмигранты могут использовать термин «дом» для обозначения страны происхождения, но они также создают «дома» (как физически, так и социально) в принимающем их сообществе. Как показано на примере общины пограничного города Тихуана, не только мигранты их Мексики в США, но и мексиканцы, оставшиеся проживать на территории Мексики, могут оказываться в социальных отношениях и участвовать в организациях, носящих транснациональный и трансграничный характер. Многие члены таких трансграничных организаций оказываются вовлеченными в транснациональные сети, даже не покидая страны своего происхождения. Формирование идентичностей таких трансмигрантов проходит в так называемых «транснациональных социальных полях», в рамках процесса детерриторизации. Общины трансмигрантов не существуют в одном географическом месте, но разбросаны по нескольким государствам. Некоторые трансмигранты могут большую часть своей жизни провести «на колесах», другие могут жить в течение длительного времени в одной определенной местности, третьи — лишь изредка покидают страну своего происхождения. Многие из них физически находятся на территориях одних государств, но ощущают политиче-

² Rethinking Transnationalism. The Meso-link of organizations. / ed. by L. Pries. London: Routledge, 2008. p. 7–8.

³ Nye & Keohane, Transnational Relations and World Politics: An Introduction. / International Organization. Vol. 25. No. 3 (summer 1971). p. 332.

⁴ Herman S. Taking Liberties: The War on Terror and the Erosion of American Democracy. Oxford, 2011. P. 3–4, 153–155.

⁵ См. The Political Representation of Immigrants and Minorities. Voters, Parties and Parliaments in Liberal Democracies. / Bird K., Saalfeld T., M. W st A. (Eds.). NY. 2010.

⁶ Schiller N., Fourn G. Georges Woke Up Laughing: Long Distance Nationalism and the Apparent State. Durham. 2003. p. 20–21.

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

скую, экономическую, и культурную принадлежность к сообществам своего происхождения⁷.

С точки зрения практик политической культуры важно, что во время своего пребывания в принимающих сообществах трансмигрант оказывается вовлечен в расовые, этнические и национальные практики и дискурсы гегемонии. Трансмигранты затем сами способны преобразовывать эти дискурсы через практики сопротивления, а также перенесения эти практики сопротивления в свои «родные» сообщества. Таким образом, между странами-донорами и странами-реципиентами мигрантов происходят взаимобмены в форме социального капитала, идей и паттернов поведения, стимулирующие эксперименты в области политических идей, социальных практик, и даже отношений между полами. Происходит смешение транснационализма, проистекающего «сверху» (transnationalism from above) и транснационализма, спонтанно возникающего «снизу» (from below). Как отмечает Х. Флорес, в результате креолизации и гибридизации возникают феномены «ньюйориканца» (ньюйоркца пуэрториканского происхождения) или испаноговорящего жителя Майами (“New Yorican” and “Miami Spanish”)⁸. Все это приводит к креолизации и возникновению новой субъектности в рамках новой — «транснациональной» — политической культуры.

Другими относительно новыми субъектами «транснациональной культуры» являются современные «глобальные кочевники». Глобальные кочевники (англ. «global nomads») относятся к людям, которые путешествуют из одной страны в другую без постоянного проживания или работы, в силу чего их связи со страной их первоначального происхождения неумолимо ослабевают. Большинство «глобальных кочевников» работают на должностях, не связанных тесным образом с каким-то конкретным физическим расположением в пространстве (например, программисты, журналисты, преподаватели языков, ремесленники ручного труда). Такой образ жизни характеризуется очень высокой мобильностью. Речь далеко не всегда идет о малообеспеченных семьях мигрантов. Образ жизни современных глобальных кочевников стал возможен с конца XX века благодаря появлению быстрых и относительно дешевых способов транспортного сообщения (например, бюджетные авиалинии). Свою лепту здесь внесло также и быстрое развитие коммуникационных технологии, которые позволяют людям общаться и работать в реальном времени сквозь большие географические расстояния. На сегодняшний день глобальные кочевники часто бывают выходцами из западных стран. Они являются привилегированными в том смысле, что у них есть финансовые ресурсы для перемещения (у них есть сбережения, либо они продают/сдают квартиру; получают высокую пенсию). «Глобальные кочевники» часто имеют американские или европейские паспорта, которые позволяют им двигаться по миру без существенных визовых ограничений. Элитными «глобальными кочевниками» можно считать руководителей транснациональных корпораций и банков, меняющих позицию своей работы, переез-

жая вместе с семьями раз в несколько лет из одного крупного мегаполиса в другой⁹.

Для детей элитных «глобальных кочевников» в начале 1950-х американский антрополог Рут Хилл Усиим ввела в научный оборот термин «дети третьей культуры» (Third Culture Kids / TCK). Как и их родители, эти дети или подростки живут в стиле дипломатов — часто меняя друзей, школы, города, страны, и никогда всецело не адаптируются к культуре родной страны или стран, где они жили подолгу. Ряд американских исследователей считают «детей третьей культуры» прототипом граждан будущего. Сегодня их особенности исследуются на крупных научных конференциях, проводимых под эгидой фондов *Global Nomads International* и *Families in Global Transition*. «Дети третьей культуры» — это дети, большая часть детства которых прошла в культуре, отличающейся от национальной принадлежности, указанной в паспортах их родителей. Такие дети вырастают «между миров»: и не в мире своих родителей, и не в том мире, где прошло их детство. Как отмечает Р. ван Рекен, таким образом первым миром («первой культурой») для этих детей будет страна происхождения их родителей, вторым — «вторая культура» — страна, куда позже переехали родители и где ребенок рос. Третьим миром — «третья культура» — образ жизни, который ребенок делит в другими детьми, оказавшимися в сходной ситуации, то есть по сути в ситуации «между миров»¹⁰.

Сегодня в таких странах как США имеет смысл проводить серьезные исследования «детей третьей культуры», так как количество «ТСК» возвращающихся «домой» учиться в американских университетах и колледжах постоянно возрастает. Кроме того, эти студенты имеют уникальные, весьма отличные от других подростков психологические и академические профили. Например, к их преимуществам можно отнести языковые навыки, высокую гибкость и адаптивность к социуму, кросс-культурные навыки общения, взрослость и ориентированность на международную карьеру. Недостатки «ТСК»: ностальгия по утерянной родине, лишенность корней, иногда чувство растерянности и тревожности в отношении выработки ориентаций и ценностей (в том числе и оснований для патриотизма и лояльности к той или иной группе или стране)¹¹.

Представляется, что утеря корней может привести к перерастанию транснациональной политической культуры в культуру мирового гражданства — вести к политической культуре «космополитизма». Так, например, крупный представитель американской социологии К. Калхун полагает, что космополитизм часто в большей степени оказывается направлен на преодоление культурных особенностей и локальной специфики, чем на их сохранение. В работе «Классовое сознание частых путешественников. К критике реально существующего космополитизма» Калхун критикует космополитов с немарксистских позиций, высказывая, в частности мнение, что космополитизм

⁷ Lynn S. *Transborder Lives: Indigenous Oaxacans in Mexico, California, and Oregon*. Durham. 2007. p. 19.

⁸ Flores J. *The Diaspora Strikes Back: Caribe o Tales of Learning and Turning*. NY. 2009. p. 173.

⁹ Kannisto P., Kannisto S. *Free as a Global Nomad: An Old Tradition with a Modern Twist*. Phoenix. 2012. p. 163.

¹⁰ Pollack D., Van Reken R. *Third Culture Kids: The Experience of Growing Up Among Worlds*. Yarmouth, 2001. p. 14.

¹¹ Madalina A. *Study Abroad and Cultural Learning Through Fulbright and Other International Scholarships: A Holistic Student Development / Journal of International Students Spring 2013 Vol. 3 Issue 1. P. 8.*

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

обычно являлся имперским проектом и его теплицей становились имперские торговые города, например, Лондон, Париж, Москва. Такой космополитизм шел рука об руку с неолиберализмом. Однако на практике этот космополитизм выражал мировоззрение экономической элиты. Поэтому «космополитическая мысль, - отмечает Крейг Калхун, — испытывает проблемы с культурной партикулярностью, локальными предпочтениями и даже эмоциональными привязанностями»¹². Так или иначе, однако, с учетом интернационализации ведущих российских ВУЗов не исключено, что исследования «детей третьей культуры» станут востребованы и в России, например в отношении потенциальных студентов из русскоязычных диаспор бывшего СССР.

Третью, относительно немногочисленную группу субъектов новой транснациональной политической культуры (которая, по своему происхождению, может частично совпасть с «глобальными кочевниками» или «детьми третьей культуры») мы условно обозначаем как «транснациональные интеллектуалы». Когда мы говорим о подобных интеллектуалах, то имеем в виду, роль, которую они выполняют в интеллектуальном сближении культур, исторически разделенных нарративами вражды и образами «врага». Естественно, что их признаки во многом совпадают с признаками самой «транснациональности»: «билингвизм» (и как следствие этого — повышенная восприимчивость к различным типам мышления), опыт жизни в разных странах (и как следствие этого — расширение кругозора), опыт образования в разных странах (и как следствие этого — экзистенциальное приобщение к разным интеллектуальным традициям). Вероятно, что все эти и другие качества в итоге влияют на «способность быть взволнованными» событиями в мире, в других культурах и странах у таких, по выражению И. С. Семененко, «властителей дум» как У. Бек, Ю. Хабермас, З. Бауман и У. Эко¹³.

«Транснациональные интеллектуалы» могут объединяться и создавать так называемые интеллектуальные «фабрики мысли». А. Ю. Сунгуров подчеркивает, что можно выделить несколько типов фабрик мысли. «Существуют «фабрики мысли» непосредственно ориентированные на улучшение публичной политики (advocacy oriented groups). Они дают рекомендации или критикуют существующие аспекты политики... На другом краю спектра находятся фабрики мысли, ориентированные на образование (educated-oriented groups). Они влияют на политику через организацию конференций и семинаров, издание книг и статей, взаимодействие со СМИ»¹⁴. Американский политолог П. Хаас сформулировал ставшее классическим определение «эпистемологических сообществ»: «сеть признанных в какой-

либо области экспертов, совместно вырабатывающих критерии истинности знания и активно влияющих на процесс принятия политических решений в сфере своей компетенции»¹⁵.

Однако насколько вообще возможен «транснациональный интеллектуал» в области политической философии? Возможно ли политическим мыслителям дистанцироваться от пропаганды и, если да, то до какой степени? Иными словами, насколько аполитичными могут / должны быть интеллектуалы? Может ли политолог быть аполитичен, если информация, которую он получает обычно приходит из тенденциозных источников? Нет, но он может сохранять качества объективности, аналитичности и научности, подвергая полученную информацию критической оценке еще до своих нормативных заключений. Относительно понимания роли интеллектуала философ М. Н. Эпштейн вступает в спор с позицией, высказанной М. Фуко. Эпштейн отрицает мысль М. Фуко, что «интеллектуал определяется тройко: во-первых, своей классовой позицией (как мелкий буржуа на службе капитализма или как «органический» интеллектуал пролетариата); во-вторых, условиями жизни и работы (область исследования, место в лаборатории, политические требования, которым он подчиняется или против которых бунтует в университете и т. д.); наконец, спецификой политики истины в наших обществах. Иными словами, отмечает Эпштейн, «интеллектуал определяется Фуко политикой во-первых, во-вторых и в-третьих»¹⁶. Но тогда задается вопросом Эпштейн, что делает этого человека интеллектуалом и отличает от партийных функционеров или от любых членов общества как носителей определенных социальных функций? «То, что интеллектуал может дать обществу — полагает Эпштейн — это именно подняться над войной всяких идентичностей (я — рабочий, ты — буржуй, я — белый, ты — черный, я — женщина, ты — мужчина, я — «гетеро», ты — «гомо» и т. п.): «интеллектуал — в этом и состоит его роль — есть вестник универсального в жизни общества, разбитого на классы, партии, нации, этносы, расы, и т. д.

Думается, что многих философов русского зарубежья XX в. можно по праву считать «транснациональными интеллектуалами» в смысле и «западниками», и «почвенниками». Они стали «русскими европейцами» не только в силу вынужденной эмиграции после 1917 г., но и уже до революции. Многие из них стажировались в лучших университетах Германии, Франции, Англии. «Я англичанин, но в глубине души русский» - под таким названием недавно вышли воспоминания писателя и историка графа Н. Д. Толстого-Милославского (главы старшей ветви Толстых), гражданина России и Великобритании. Этот же сборник содержит статьи о других «русских англичанах», в частности о трагической судьбе историка русской литературы, мыслителя князя Д. П. Святополка-Мирского, принявшего решение вернуться из Лондона в СССР и погибшего в сталинских лагерях в 1939 г.¹⁷ Если условно говорить о «русских французах» XX в., то трудно пройти мимо фигур грузинского философа М. Мамардашвили и знатока

¹² Calhoun G. The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism / South Atlantic Quarterly. 2002. 101(4). P. 873.

¹³ Семененко И. С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир / Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 64.

¹⁴ Сунгуров А. Ю. «Фабрики мысли»: первое приближение к анализу зарубежного опыта / «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. СПб., 2002. С. 55–70., с. 58.

¹⁵ Haas P. Epistemic Communities and International Policy Coordination / International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. - P. 3.

¹⁶ См. Эпштейн М. Н. Универсика: на пути к критической универсальности / Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 635–651.

¹⁷ Русское присутствие в Британии. Сост. Н. В. Макарова, О. А. Моргунова. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 217, 221.

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

творчества А. Токвиля — российского политолога А. Салмина. Другие выдающиеся примеры — транснациональная природа дара Н. К. Рериха, И. А. Ильина и С. Л. Франка¹⁸.

Мысль о грядущем качественном изменении культуры вообще и политической культуры пронизывает идею «идеациональной культуры» классика российской и американской социологии XX века П. А. Сорокина. «Идеациональная культура» в концепции Сорокина — тип культуры, в котором преобладают универсальные духовные ценности. Она должна прийти на смену современной «чувственной» культуре, основанной на гедонизме, моральном релятивизме и господстве силы в политике. «Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступивших сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего»¹⁹.

На теоретическом уровне эту эволюцию современной политической картины мира прослеживает Г. Л. Тульчинский, отмечающий, что в настоящее время, в силу ряда общецивилизационных факторов, активно формируется *новая персоналогия*, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже — как серия проектов. По мнению петербургского исследователя, *проектно-брендовой идентификации/идентичности* личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. «Этническая, статусная, ролевая идентичности могут выступать как средства реализации проекта — как в случае с такими политическими проектами как Р. Рейган, В. В. Путин, Б. Обама. Но могут и выступать характеристиками, на преодоление которых автопроект может быть направлен, как это было в случае с Майклом Джексон — яркий автопроект, выстроенный на преодолении расовых, гендерных, возрастных, а в чем-то уже и просто человеческих характеристик идентификации. И в искусстве, и в политике очевидно мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов»²⁰.

Наконец, на эмпирическом уровне формированию транснациональной субъектности способствует новая виртуальная кибернетическая реальность Интернет. Как отмечает О. Ю. Малинова, к рубежу второго десятилетия XXI века в России обозначились изменения практик публичной коммуникации, которые будут постепенно размывать «ядро» публичной сферы. Эта тенденция проявляется в сокращении телеаудитории, особенно среди молодежи, активно осваивающей пространство Интернет. Молодые люди от 15 до 35 лет, особенно молодые мужчины, не только проводят меньше времени перед телевизором, чем перед компьютером (или ноутбуком), но и можно

говорить об изменении их вкусовых медийных предпочтения. По мнению исследовательницы, «наблюдаемый в последние 3–4 года скачок в «интернетизации» населения в среднесрочной перспективе может привести к изменению соотношения между «ядром» и «периферией»²¹.

Согласно мнению Э. Гидденса, в США понадобилось 40 лет, чтобы количество радиослушателей достигло 50 миллионов. «Когда же появился Интернет, число американцев, регулярно выходящих в «сеть» выросло до 50 миллионов всего за каких-то 4 года»²². Еще в начале прошлого века ученый из Польши Н. Журавски пришел к выводу, что Интернет создает новые сообщества по принципу «виртуальной этничности». Согласно исследователю, «виртуализуется» фактически и территория как один из признаков государства²³. На наш взгляд в современном мире быстро возрастает группа людей «транскультурной» принадлежности. Происходит переход от поколения «П» (метафора 1990-х годов писателя В. Пелевина) к поколению «Т» — то есть переход к транснациональному поколению; от «homo soveticus» — к «homo-onlineus»²⁴.

На эмпирическом уровне косвенным подтверждением транснационализации политической культуры служит значительный рост того, что принято называть «виртуальными государствами» или «микронациями». Первые такие виртуальные государства появились еще в конце XX века. Однако в 1990-х годах, с развитием Интернет, идея создания подобных образований получила новое ускорение. Сегодня в большинстве своем, виртуальные государства — это абсолютные или конституционные монархии, чаще всего управляемые идеологом данного проекта. Однако, есть исключения: например, знаменитый Свободный город Христиания в Копенгагене или Республика Лакота, провозглашенное по постколониальным мотивам группой индейских активистов во главе с Р. Минсом в США на территории штата Небраска. Территория подобных микросоударств, как правило, мала (размером с дачный участок или маленький остров), а мотивы для создания, отмечает Д. Райн и его соавторы по статье в журнале *Lonely Planet*, могут включать как чисто интеллектуальный опыт, так и политический протест, как художественное слово, личные развлечения, так и преступную деятельность²⁵. На наш взгляд все это — отражение существующих ликов

¹⁸ подробнее см. Акопов С. В. Развитие идеи транснационализма в российской политической философии XX века., СПб., Изд-во СЗИ РАН-ХиГС, 2013.

¹⁹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 23.

²⁰ Тульчинский Г. Л. Личность как проект и бренд. / Наука телевидение. Вып. 8, М., 2011. С. 254, 257.

²¹ Малинова О. Ю. Трансформация публичной сферы и динамика идейно-символического пространства в России (конец XX — начало XIX в.) / Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. / Под. ред. О. Ю. Малиновой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 283–284.

²² Гидденс Э. Ускользящий мир Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004, — С. 29.

²³ Zurawski N. Virtual Ethnicity: Studies on Identity, Cultural and the Internet. 1998. Режим доступа: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/veengl.html>. (Дата обращения 03. 02. 2012.)

²⁴ Подробнее см. Akopov S., Russian identity after the fall of the USSR. From generation “П” to generation “Т” (“Transnational”)? / Russia’s Changing Economic and Political Regimes., Ed. by A. Makarychev, A. Mommen, Routledge, 2013. Pp. 66–76. Calhoun G. The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism / South Atlantic Quarterly. 2002. 101(4). Pp. 872–873.

²⁵ Ryan J., Dunford G., Sellars S. Micronations. / Lonely Planet, 2006, — P. 6.

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

«транснационального», несущего в себе как угрозы, так и новые ресурсы развития человечества.

Вероятно, наиболее известным примером «микронации» на протяжении десятилетий является княжество Силенд (Principality of Sealand, что переводится на русский язык как «морская земля» или *Силандия*). Силенд была провозглашена в 1967 году отставным британским майором П. Р. Бейтсом и претендует на суверенитет над территорией морской платформы в Северном море в 10 километрах от побережья Великобритании. За недолгую историю государство, расположившееся на заброшенной платформе для зенитных орудий ВМС Великобритании периода Второй Мировой войны (площадь княжества — 550 квадратных метров), Силенд успел благополучно пережить гражданскую войну, конфликт с Великобританией и попытку государственного переворота. Первая конституция Силенда (7 статей) вступила в силу в 1975 году. Сегодня гражданином Силандии можно стать за 25, а князем или княгиней — всего за 199 фунтов стерлингов²⁶. Среди «силендцев» есть люди, занимающиеся различными видами спорта, например, мини-гольфом. Также Силенд зарегистрировал свою сборную по футболу в числе непризнанных сборных, которая уже сыграла 3 товарищеских игры с Чагосом, Аландскими островами и Олдерни.

Помимо вышеуказанных виртуальных государств / микронаций существуют также более сотни других, например в Южном Уэльсе, Австралии, США, Дании, Италии, Швеции, а с 2000-х годов микронации начали возникать на карте Антарктиды. В 2009 году даже развязалась так называемая Родезийская война в Антарктиде²⁷. Указанная война проходила в виде хакерских атак на сайты противников — что, кстати, соответствует новому типу информационных войн XXI века.

Сегодня, благодаря развитию Всемирной паутины, микродо государства легко могут существовать не только в физическом мире (на суше, на море или даже в космическом пространстве), но и — самое главное — глубоко в соображении собственных создателей. Виртуальное государство «Виртландия», например, претендует на звание первого в мире суверенного государства, базирующегося в Интернет. По словам ее основателя — журналиста К. Луенго, концепция Виртландии зародилась как общественная инициатива, выразившая сожаление о военных действиях между Грузией и Россией в августе 2008 года. Виртландия — это своеобразный эксперимент в области легитимности и устойчивости государства, не имеющего собственной географической территории. К. Луенго полагает, что неправильно было бы интерпретировать Виртландию только как воображаемый виртуальный мир. В этой стране живут настоящие люди, виртуальна в ней только территория. Девиз Виртландии — «Выигрывает храбрость, а не количество». Ее миссия — создать страну, которая превзойдет все национальные границы, не умаляя при этом ничьей независи-

мости²⁸. Символична в этом отношении «внешняя политика» виртуального государства. Виртландия стала первой страной, которая в знак поддержки деятельности WikiLeaks предоставила гражданство Д. Ассанжу. Информация о соответствующем решении Правительства Виртландии была опубликована на их сайте 28 декабря 2010 года. Обращаясь к Ассанжу, гражданине Виртландии (число которых на тот момент насчитывает порядка 2000 человек) писали: «Ваш пример наглядно продемонстрировал, как быстро и эффективно Интернет может влиять на реальную жизнь. В то время как гражданство в киберстране может показаться сегодня чисто символическим, Вы лучше, чем кто-либо другой знаете потенциал киберпространства и веб-социальных проектов в ближайшем будущем. Виртландия предлагает Вам свое гражданство, чтобы выказать нашу поддержку Вашего дела, и нашу признательность за ваши достижения»²⁹.

Наконец, помимо микронаций, о возрастающей роли воображения и жизни все большего количества людей в виртуальной реальности Интернет свидетельствует развитие таких проектов как «Second Life». «Вторая жизнь» — это трехмерный виртуальный мир с элементами социальной сети, который насчитывает уже свыше 1 млн активных (в режиме «он-лайн») пользователей. Этот проект был запущен в 2003 году компанией Linden Lab, расположенной в Сан-Франциско и основанной Ф. Росдэйлом. Последний в своем интервью заметил: «Я не игру создаю, а новое государство. Со всеми вытекающими отсюда последствиями»³⁰. «Second Life» (SL) — не столько в обычном понимании компьютерная игра (в которой пользователи создают свои графическое представление и alter ego — «аватары»), сколько виртуальное пространство имеющие близкое сходство игровых реалий с настоящей жизнью. Как отмечала в журнале «Профиль» медиа-идеолог М. Леско в Second Life есть внутренняя валюта под названием Linden Dollar (L\$), которую можно получить, обменяв на настоящие деньги. Предусмотрена также их обратная конвертация, что создает возможность организации в Second Life вполне реальных бизнес-схем. Ввести деньги в SL можно с помощью кредитной карты, PayPal, Webmoney (можно также перевести деньги, создав виртуальную пластиковую карту). Деньги нужны для покупки и продажи виртуальных товаров, в том числе виртуальной земли. Интересно, что в октябре 2012 года Центральный Европейский Банк даже опубликовал результаты исследования существовавших на тот момент виртуальных платежных систем, одной из которых стала и денежная система Second Life. «SL — отмечают эксперты ЕЦБ — это виртуальный мир, который ежедневно посещают 200 000 пользователей. Это впечатляющая экономика, с ежедневным оборотом в миллион долларов, на которой люди зарабатыва-

²⁶ Информация об условиях приобретения гражданства размещена на официальном сайте княжества Силенд. Режим доступа: <http://www.sealandgov.org/title-pack>. (Дата обращения: 12. 04. 2013.)

²⁷ Мамчиц Р. Родезийская война в Антарктиде / Частный Корреспондент, 28 августа 2010 года. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/rodezijjskaya_vojna_v_antarktide_19367 (Дата обращения: 12. 04. 2013)

²⁸ Nason D. Wirtland Evolves as First Country in Cyberspace / Internet Evolution, January 21, 2009. Режим доступа: http://www.internetevolution.com/author.asp?section_id=694&doc_id=170678. (Дата обращения: 12. 04. 2013)

²⁹ Wirtland Grants Citizenship to Julian Assange, 2010.

³⁰ Росдэйл Ф. Наша основная задача — сделать мир надежным. 31 января 2008. Режим доступа: <http://secondlife.ru/?act=interview&id=211>. (Дата обращения: 12. 04. 2013)

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

ют деньги» — заявил основатель проекта SL в интервью журналу «Шпигель»³¹.

Ergo

Как бы мы не относились к проявления новой субъектности в области трансформации политической культуры, мы не можем игнорировать проводящиеся исследования феноменов «транснациональной миграции», «глобальных кочевников» или «детей третьей культуры». Точно также как мы не можем оставаться в изоляции от развития Интернет, а также от растущего влияния транснациональных «фабрик мысли» и профес-

сиональных научных и философских сообществ. Сегодня вместе с изменяющейся политической картиной мира происходит становление качественно нового субъективного пространства. Приведет ли это изменение к формированию черт нового антропологического типа, некоего «*homo transnational*»? Будет ли этот «новый номад» жить в ризоматическом мире «проектного града» и проектно-брендовой идентификации личности? Станет ли он субъектом «двойной идентичности», «составной национальности» или вообще «виртуальной этничности»? Думается, что экспертному сообществу, а также политическим деятелям, стремящимся оказывать опережающее влияние на становление современной политической культуры — особенно молодежной политической культуры — не избежать ответов на эти вопросы: как при выработке своей «символической политики», так и при проведении самостоятельной политики в области идентичности.

³¹ Stcker C. Interview with Second Life Founder Rosedale: Making it Crash Less Is our Number One Mission / Der Spiegel. January 31, 2008. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-second-life-founder-roosedale-making-it-crash-less-is-our-number-one-mission-a-531700.html>. (Дата обращения: 12. 04. 2013.)

